

АКТАНТЫ «ГРЯЗЕГЕННОСТИ» В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

Завьялова Елена Евгеньевна, доктор филологических наук, профессор, Астраханский государственный университет, 414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, e-mail: zavyalovaelena@mail.ru.

В статье исследуются образы грязи, пыли, сора, мусора и т.п. в художественной картине мира русских писателей первой половины XIX в., определяется характер и цель обращения к актантам «грязегенности». В поле зрения автора оказываются произведения Д.Н. Бегичева, А.А. Бестужева-Марлинского, Ф.В. Булгарина, Н.В. Гоголя, М.Ю. Лермонтова, В.Т. Нарезного, В.Ф. Одоевского, Н.Ф. Павлова, М.П. Погодина, А. Погорельского, А.С. Пушкина, О.М. Сомова. Доказывается, что в эпизодах, связанных с мотивом пути, чаще всего упоминается дорожная пыль. Если рисуется некая типичная картина российского уездного городка, непременно элементом пейзажа делается уличная грязь. Особым вариантом концептуализации описаний «нечистого» пространства становятся этнографические зарисовки, в которых показывается жизнь иноверцев. Впрочем, грязь нередко является атрибутом описаний и крещеных героев, особенно если они нарушили законы морали. Часто в фабулу произведения вводится эпизод падения в грязь, который прямо или косвенно соотносится с темой унижения достоинства героя. Мотив погружения в нечистоту связан с проблемой сохранения смертным преданности Богу. На символическом уровне непорядок знаменует нарушение жизненного уклада, воцарение хаоса. Осуществленный анализ текстов позволяет сделать вывод о том, что пургаментарные образы являются элементом художественной картины мира практически всех сочинителей – вне зависимости от их эстетических пристрастий. Но актанты грязегенности и количество упоминаний о «нечистых» предметах существенным образом рознятся. Авторы, склонные к натуралистическим описаниям, в большей степени используют мотивы запачканности, соотнося их с социальным неблагополучием. Писатели-романтики чаще отмечают запыленность, заброшенность объектов изображения, усматривая в этом мифологическую семантику, особый эстетико-философский смысл.

Ключевые слова: актанты «грязегенности», образы пыли, сора, мусора, художественная картина мира

THE ACTANTS OF “DIRT-GENEITY” IN RUSSIAN LITERATURE OF THE FIRST HALF OF XIX CENTURY

Zavyalova Elena E., Doctor of Philology, professor, Astrakhan State University, 414056, Russia, Astrakhan, Tatischev St. 20a, e-mail: zavyalovaelena@mail.ru.

The article is devoted to images of dirt, dust, litter, trash, etc. in art picture of the world of Russian writers of the first half of the XIX century, is determined the nature and purpose of use of actants of “dirt-geneity”. In the field of view of the author are works of D.N. Begichev, A.A. Bestugev-Marlinskiy, F.V. Bulgarin, N.V. Gogol, M.Yu. Lermontov, V.T. Naregnuy, V.F. Odoyevskiy, N.F. Pavlov, M.P. Pogodin, A. Pogorelskiy, A.S. Pushkin, O.M. Somov. Proved, that in the episodes related to motive of way, is mostly mentioned on roads a dust. If some typical picture of the Russian County town district appears, an indispensable element of the landscape is the street dirt. A special variant of conceptualization of descriptions of “unclean” space become the ethnographic sketches, which show the life of adherents of a different faith. However, the mud quite often is the attribute of descriptions and baptism hero, especially if they have violated the laws of morality. Often

in the plot of a story is entered the episode of falling in the dirt, that directly or indirectly relates to the theme of the humiliation of the dignity of the hero. The motive of immersion in the dung is connected with the problem of maintenance by the mortal of devotion to God. Motive of the contamination in an impurity is related to the problem of Muddiness of apartment in majority of cases point on trouble for those who live there, or on the negligence for those who work there. On a symbolic level the disorder marks violation of the way of life, the reign of chaos. Carried out analysis of the text to make a conclusion, that purgamentar images are part of the artistic picture of the world of almost all writers – without depending on their aesthetic predilections. But the actants of “dirt-geneity” and the number of references to the “impure” objects significantly different. The authors, who are inclined to naturalistic descriptions, more use motives of muddiness, correlating them with social problems. Writers of romance more often claim dust, abandonment image objects, seeing in this a mythological semantics, a particular aesthetic and philosophical meaning.

Keywords: actants of “dirt-geneity”, images of dust, litter, trash, art picture of the world

Предмет нашего исследования – образы грязи, пыли, сора, мусора и проч. в художественной картине мира русских писателей. Для обозначения всего вышеперечисленного воспользуемся термином Г.П. Козубовской «актанты “грязегенности”» [7], подразумевая многообразие типов и неравнозначную степень сочетаемости искомым объектов.

Мы посчитали необходимым посвятить данную статью произведениям первой половины XIX века, поскольку именно в это время появляется огромное количество описаний, посвященных категории «нечистоты». Что вызывает нарекания многих современников, обвинения в предвзятом изображении действительности, в показе «неприятной картины заднего двора жизни и человечества» [12]. Рассмотрим характер и цель обращения к столь неоднозначной теме.

Г.А. Гуковский отмечает, что чаще всего указанные детали показываются в прозе, восходящей к старинной нравоописательной, сатирической традиции и изобилующей «конкретным изображением всяческого быта» [5, с. 362]. Он перечисляет следующие произведения: «Евгений» А.Е. Измайлова, «Случай, который может повториться. Русская современная быль» В.П. Андросова, «Удивительный человек» П.Л. Яковлева, «Своя семья. Повесть» Н.Я. Прокоповича, «Пригожая казначейша» А. Шидловского, «Таинственный туалет» А. К-а. Г.А. Гуковский пишет, что «бытовизм и интерес к обыденным явлениям жизни рядовых людей, описания “обратной стороны” жизни» [5, с. 365] проникают и в романтическую литературу, в частности, в творчество А.И. Емичева, А.П. Степанова, Зенеиды Р-вой (Е.А. Ган). Особо отмечает исследователь рассказ-очерк «Домик на Никитской», опубликованный под литерой «Z.», – «живой и переполненный бытом, и именно “грязным” бытом» [5, с. 362].

Анализ более известных в широких читательских кругах авторов показал, что и в их произведениях присутствуют интересующие нас образы. Например, в эпизодах, связанных с мотивом дороги, почти всегда упоминается **дорожная пыль**, поднимаемая в воздух копытами лошадей, колесами повозок, – эта закономерность присуща как последователям романтического метода, так и реалистам.

Пыль свидетельствует о бешеной скорости, на которой несутся всадники: «Пыль поднялась до облак от копыт коней ратных» (В.Т. Нарезный «Славенские вечера» [9, с. 83]); «...гайдамаки <...> вскочили сами на коней, пустились во весь опор по полю вслед за атаманом – и только пыль вилась за ними густым облаком» (О.М. Сомов «Гайдамак» [17, с. 77]); «Молодой витязь рыщет по поприщу, ... вьет пыль и окровавленную шпорою вперяет свой жар в хладнокровного бегуна фряжского» (А.А. Бестужев-Марлинский «Роман и Ольга» [2, т. I, с. 45]); «Он оглянулся и в облаках пыли едва мог различить двух казаков, несшихся по дороге во всю конскую прыть» (Ф.В. Булгарин «Мазепа» [3, с. 90]); «Вдали вилась пыль – Азамат скакал на лихом Карагезе» (М.Ю. Лермонтов «Бэла» [8, т. II, с. 469]); дед Фомы Григорьевича,

уезжая, поднимает «такую за собой пыль, как будто бы пятнадцать хлопцев задумали посередеи улицы играть в кашу» (Н.В. Гоголь «Пропавшая грамота» [4, т. I, с. 182]).

Пыль показывает, как долг и труден был путь. Покрыт густой пылью въезжающий в Дорогомиловскую заставу молодой кирасирский офицер Изидор – так, что лучи солнца не отражаются от его золотого шишака и серебряных лат (А. Погорельский «Изидор и Анюта»). По запыленной одежде, по коням в поту, пене рассказчик заключает, что Ахмет-хан и сопровождающие его нукеры «совершили скорый и дальний переезд» (А.А. Бестужев-Марлинский «Аммалат-бек» [2, т. II, с. 14]). Весь в пыли приехавший к матери корнет Сашенька (Н.Ф. Павлов «Ятаган»). «Засыпленный» и небритый возвращается на Полтаву к Наталке Петрусь (М.П. Погодин «Петрусь» [13, с. 120]). Покрыты густой пылью волосы и усы панов Иванов, выдворенных из собственных домов (В.Т. Нарезный «Два Ивана»). «Запыленным и обросшим бородой» предстает перед молодоженами Б *** Сильвио (А.С. Пушкин «Выстрел» [14, т. V, с. 55]). «Пыльный бархатный сюртучок» и «запачканные перчатки» Печорина контрастируют с его «ослепительно чистым бельем» (М.Ю. Лермонтов «Максим Максимыч» [8, т. II, с. 493]). «Изнуренные и покрытые пылью всадники» возвращаются после вылазки из осажденной крепости Дубно (Н.В. Гоголь «Тарас Бульба» [4, т. II, с. 100]), Павел Иванович Чичиков сравнивается с «терзаемым палящей жаждой, покрытым прахом и пылью дороги, изнуренным, изможденным путником» (Н.В. Гоголь «Мертвые души» [4, т. VII, с. 109]).

Сходную функцию может выполнять и упоминание о **грязи** на повозке: достаточно вспомнить запачканные повозку из романа «Иван Выжигин» Ф.В. Булгарина, карету из «Семейства Холмских» Д.Н. Бегичева, бричку из «Мертвых душ» Н.В. Гоголя.

Нередко русские прозаики и поэты первой трети XIX века описывают весеннюю и осеннюю **распутицу**, столь характерную приметку городских пейзажей того времени (по словам В. Мединского, миф о российской грязи датирован XV–XVI вв. (Аргументы недели. 2006, № 23)). «Была осень; частые дожди растворили малороссийский чернозем; глубокая и вязкая грязь превращала в топкие болота улицы и проселочные дороги» (О.М. Сомов «Гайдамак» [17, с. 21]). «Живо я помню эту грязную осень, этот мрачный вечер, когда ни одна звезда не теплилась на небе и когда почтовые лошади едва дотащили меня до ворот рязанской гостиницы» (Н.Ф. Павлов «Именины» [15, с. 109]). «В году недель пять-шесть Одесса, / По воле бурного Зевеса, / Потоплена, запружена, / В густой грязи погружена. / Все дома на аршин загрязнут, / Лишь на ходулях пешеход / По улице дерзает вброд; / Кареты, люди тонут, вязнут...» (А.С. Пушкин «Отрывки из Путешествия Онегина» [14, т. IV, с. 116]).

Дается некая типичная картина российского уездного городка, неизменным атрибутом которого становится **уличная грязь**. Вспомним «грязный переулочек» в Симбирске, который видит из окна гостиницы Петр Гринев («Капитанская дочка» А.С. Пушкин [14, т. V, с. 385]), «грязные переулки» в Тамани, по которым «долго странствует» Печорин («Тамань» М.Ю. Лермонтов [8, т. II, с. 499]). В начале повести М.П. Погодина «Черная немочь» дважды упоминается грязь на дворе священника: «Грязно вам будет пройти, сударыня: у нас на дворе нечисто», – говорит Афанасьевна купчихе Марье Петровне, а потом ведет ее «через грязный двор по насланным доскам к погребу», откуда доносятся «глухие звуки протопицыной брани» [13, с. 199]). По мере развития фабулы становится очевидным, что процитированные строки содержат особый смысл, символизируя отравленную тоской и безысходностью жизнь купеческого сына Гаврилы Авакумова и всех других людей с подобной судьбой.

В «Истории о петухе, кошке и лягушке» В.Ф. Одоевского с подзаголовком «Рассказ провинциала» городничий Иван Трофимович Зернушкин фаталистически подходит к проблеме российской распутицы: «Бог дает дождь и хорошую погоду, и, видно, уж такой положен предел, чтобы осенью была по улицам грязь по колено: сверх того, добрые люди сидят дома и не шатаются по улицам, а когда русскому человеку нужда, так он везде пройдет» [11, с. 52]. Обобщенный образ российской дороги дается в знаменитом лирическом отступлении Н.В. Гоголя: «Счастлив путник, который после длинной, скучной дороги с ее холодами, слякотью, грязью...» [4,

т. VI, с. 133] («Мертвые души»). В романе Ф.В. Булгарина «Иван Выжигин» находим почти формульное описание: «оборванные мальчишки, голодные собаки, рогатый скот и домашние птицы дружно топчут грязь на середине улицы» [3, с. 104].

Особым вариантом концептуализации описаний «нечистого» (в прямом и в переносном смысле) пространства становятся этнографические зарисовки, в которых показывается жизнь **иноверцев**. В повести А.А. Бестужева-Марлинского «Аммалат-бек» полковник Верховский, проезжая со своими спутниками по Дербенту, плывет «верхом по грязи» [2, т. II, с. 26]. Ф.В. Булгарин указывает на «нечистоту, дым» в киргизских юртах («Иван Выжигин» [3, с. 140]). В «Путешествии в Арзрум» А.С. Пушкина в турецкой деревне рассказчик входит «в большую саклю, похожую на хлев» [14, т. V, с. 406]. М.Ю. Лермонтов неоднократно упоминает про «закопченные», «грязные» жилища местных жителей, которые встречают на своем пути Печорин и Максим Максимыч [8, т. II, с. 459, 460, 490]. Весьма популярен мотив нечистоты в описаниях еврейских поселений (см., например, упоминания о «грязных жидовских местечках» в романе Ф.В. Булгарина «Мазепа» [3, с. 425, 434] или пейзаж Жидовской улицы в Варшаве, нарисованный в повести Н.В. Гоголя «Тарас Бульба» [4, т. II, с. 129]).

Впрочем, нечистота нередко является атрибутом описаний и крещеных героев, особенно если они **нарушили законы морали**. Этот прием нередко использует В.Т. Нарезный. В романе «Российский Жилбаз, или Похождения князя Гаврилы Симоновича Чистякова» главный герой сообщает, что он вместе со своим спутником Сельвестром был перепачкан «нещадным образом», грязь сделала их «похожими на разбойников» [10, т. I, с. 231]. Чуть позже Чистякова действительно принимают за разбойника Сильвестра, доказывая это цветом волос – черным, в то время как волосы у Гаврилы Симоновича темно-русые, но испачканные. «Ничего, ничего! Точная грязь!» – говорят ратники из команды [10, т. I, с. 233].

Внешность молодого украинского пастуха Гаркуши бросается в глаза односельчанам: он статный, широкоплечий, румяный. Но деревенские девушки не могут не отворачиваться, глядя на его свиту (верхнюю одежду), «всю в лохмотьях, украшенную дегтярными пятнами, прильнувшими к ним клочками овечьей шерсти» [9, с. 289–290]. Будущее Гаркуши неприглядно: сначала он становится грабителем, потом убийцей. Его неопрятность, отмеченная в первых строках произведения, не только сигнализирует о принадлежности к социальным низам, но и позволяет предположить, в каком направлении будет изменяться духовный облик юноши.

Сходный прием позже использован А.А. Бестужевым-Марлинским и В.Ф. Одоевским. В повести «Аммалат-бек» молодой аварец предстает перед Селтанетой «забрызганный грязью и кровью» [2, т. II, с. 40]; позднее герой предает и убивает своего наставника, а потом становится невольным виновником смерти отца девушки. В повести В.Ф. Одоевского «Саламандра» в финской избушке появляется «забрызганный кровью и грязью» [11, с. 253] швед. Чужак убивает сына, угрожает расправой остальным домочадцам и позже тонет в лодке вместе со стариком, главой семейства.

В прозе В.Т. Нарезного повторяется важный для нашего исследования мотив – **«превращение» в преступника**. Еврей Осия, чтобы предстать перед поляками в жалком виде (якобы ограбленным малороссами) и выведать, как обстоят дела во вражеском стане, взбирается на песчаный холм, собирает в кучу «множество самого разного дряггу», рвет одежду и катается по земле, «посыпая себя песком и пылью от макуши до пят» [10, т. II, с. 4]. Упомянувшийся выше разбойник Гаркуша приказывает своим спутникам «натереть лица и руки принесенною сажей» [10, т. II, с. 306], пришить к платью бычьи хвосты; в таком виде шайка отправляется громить Балтазарову мельницу. Сарвил, чтобы отомстить своему счастливому сопернику, жениху еврейки Сусанны, берет у кузнеца напрокат самое запачканное платье, переодевается, подкарауливает юношу за полночь на пустыре у разрушенной церкви (тот появляется после пения петухов) и в продолжение нескольких часов издевается над перепуганным Товием, оставив его в конце концов без чувств, «с остриженной головою без драгоценных пейсов». Тот же Сарвил, раздевшись и выпачкавшись в грязи с головы

до ног, после полуночи врывается в церковь богатого села Вороново, пугает пономаря, связывает его и обирает церковный сундук с деньгами.

Во всех этих «превращениях» чувствуется поэтика пикаро: герои проходят через различные состояния, бесконечные переодевания и преображения. Однако заметим, что положительный герой «Бурсака» Леонид для переоблачения использует костюм, сшитый собственноручно из купленного на рынке черного сукна, что косвенно свидетельствует о «дозволенности» планируемого предприятия: Леонид намеревается спасти возлюбленную. Другие – неблагородные – персонажи романов В.Т. Нарезного для изменения внешности применяют грязь, сажу, сор и прочие пургаментарные средства. Праведные герои неизменно принимают плутни обманщиков за козни нечистой силы, злого духа, дьявола. Отнюдь не случайно после ограбления церкви Сарвил признается: «С трепетом – мне казалось, что в меня действительно вселился бес, – бросился к платью, вымылся наскоро в луже, оделся и пустился в поле» [10, т. II, с. 7].

По всей вероятности, на характер изображения отрицательных героев в упомянутых выше романах В.Т. Нарезного повлияли **народная мифология** и **христианская символика**. В более очевидной форме эти мотивы представлены в фантастической прозе того времени. Достаточно вспомнить, как В.Ф. Одоевский в финской легенде рисует вейнелейсов, помогавших царю ковать оружие («на плечах у них пыль в сажень толщиной, на голове сажа в аршин, на всем теле густой слой копоти» [11, с. 249]), как О.М. Сомов в «Гайдамаке» описывает несущегося в столбе пыли старого пана-мертвеца, сопровождавшегося кучерами и лакеями в белых саванах [17, с. 34] или как Н.В. Гоголь изображает Вия, всего засыпанного черной землей [4, т. II, с. 184].

Довольно часто в прозе первой трети XIX века повторяется мотив **падения в грязь (пыль)**, который прямо или косвенно соотносится с темой унижения достоинства героя. Например, в романе В.Т. Нарезного Гаврила Симонович Чистяков узнает в молодой княгине Светлозаровой свою жену, Феклу Сидоровну. Обманутый супруг следующим образом рассказывает о том, что произошло далее: «Слуги по приказанию господина взяли меня за руки, с торжеством вывели за ворота и кинули в грязь. С растерзанным сердцем вскочил я и бросился к воротам дома, один хохот был мне ответом. Пробыв там около получаса, я озяб, ослаб, измок, и, видя, что силою ничего не сделаю, пошел искать квартиры в другом доме. <...> Везде было заперто, заколочено. "Ну, – говорил я в помешательстве, – когда назначено умирать, так умирай", – и с тем вышел я из деревни, бредя по колени в грязи» [10, т. I, с. 230].

Другие примеры. Киргизский князь Арсалан-султан, спасая Софию от посягательств Фирюлькина, хватает старого волокиту, выносит, как куль соломы, на двор и бросает с размаху в грязь (Ф.В. Булгарин «Иван Выжигин»). Схваченный гайдамаками еврей Гершко, заклиная монаха спасти ему жизнь, падает к ногам священнослужителя, обнимает его колени, стирает пыль с его ног (О.М. Сомов «Гайдамак»). Скромный учитель музыки долго отряхивает с себя пыль в прихожей, заметив, что у дома стоит роскошная коляска в шесть лошадей (Н.Ф. Павлов «Именины»). Спасаясь бегством от Рагдая, падает в грязный ров Фарлаф, герой поэмы А.С. Пушкина «Руслан и Людмила». Практически ту же оплошность совершает Зарецкий, герой пушкинского романа в стихах: «Раз в настоящем упоенье / Он отличился, смело в грязь / С коня калмыцкого сваясь» [14, т. IV, с. 97]). Шлепается в грязь и руками и ногами Чичиков, выпав из брички (Н.В. Гоголь «Мертвые души»).

Бликие мотивы находим в «Мазепе» Ф.В. Булгарина: Петр Великий велит духовенству предать украинского гетмана проклятью, приказывает тащить по грязи его портрет, а потом сжечь изображение. Камни и грязь летят в гетманские окна из толпы запорожцев. Поистине ужасающую картину рисует В.Ф. Одоевский в апокалипсическом отрывке «Последнее самоубийство»: голодная обезумевшая толпа, умертвив двух младенцев и их мать («Его беззаконные дети съедают хлеб наш!»), удаляясь, с хохотом бросает в ошеломленного, убитого горем отца грязь и камень.

Необходимо подчеркнуть, что далеко не всегда «испачканность» персонажа является знаком его социальной неполноценности или нравственной ущербности. В русской литературе очень актуальна **христианская традиция**; мотив погружения в

нечистоту (физическую и моральную) неразрывно связан с проблемой сохранения смертным душевной чистоты, преданности Богу.

Очень показателен в этом смысле образ мудреца Ивана Особняка из романа В.Т. Нарезного «Российский Жилблаз» (прототипом которого послужил философ Григорий Саввич Сковорода). Главный герой Чистяков рассказывает, как однажды шел вместе с Иваном в деревню и встретил по дороге нищего «в рубищах, с непокрытою головою, босыми распухшими ногами, бредущего по грязи». Мудрец отдал несчастному свои сапоги и шляпу. «Чувства мои к Ивану исполнены были величайшего благоговения, – признается Чистяков, – идучи позади человека в одной рубашке, без шляпы и сапогов, всего мокрого, загрязненного, я был столько доволен в душе, как будто бы сопровождал какого героя или монарха в торжественном шествии» [10, т. I, с. 512–522]. В.Т. Нарезный вводит в повествование жанровые элементы жития, описание Ивана Особняка кореллирует с «классическим» изображением юродивого.

Нечистота помещения в подавляющем большинстве случаев указывает на неблагополучие персонажей, в нем проживающих, либо на нерадивость служащих, в этих стенах работающих. На символическом уровне непорядок знаменует собой нарушение жизненного уклада, воцарение хаоса. Одними из самых обстоятельных и самых «натуралистично-грязных» в этом смысле можно назвать описания из известного романа Д.Н. Бегичева.

Вот как показывается дом Холмских: «в лакейской была отвратительная нечистота и тяжелый воздух; недогоревшие, сальные огарки валялись по столу и по лавкам; немые тарелки стояли в углу; большая дворовая собака, отыскивая куски хлеба и кости, валявшиеся под лавками, довершала украшение этой комнаты. Из служителей нашли тут одного только мальчика, в замаранном сюртуке, из домашнего толстого сукна: – локти у него были разодраны, лицо не умыто, волосы не расчесаны; но и этот мальчишка преспокойно спал на лавке. Залавшая и бросившаяся в дверь собака разбудила его. "Дома ли господ?" – спросила, сквозь слезы, Софья. – "Барина нет дома, – отвечал оторопевший мальчик, – а барыни, и старая и молодая, дома". – Связжская и Софья вошли в залу. И тут были такой же беспорядок и нечистота: оборванные обои висели по стенам, и на потолке видны были следы течи, с полусгнившей тесовой крышки дома; балки нависли до того, что угрожали беспрестанно падением» [14, ч. I, с. 48]. В том же романе, в шестой части, граф Честонов рисует неприглядную картину суда уездного города: «ужасная нечистота на крыльце и лестнице», «запачканные столы», «дурной запах» в канцелярии, «нечистые, в изорванных и изношенных сюртуках подьячие, сидящие на изломанных стульях», везде «отвратительная нечистота и беспорядок» [14, ч. I, с. 172]. По количеству маргинальных черт, которыми автор «Семейства Холмских» наделяет воспроизводимые объекты, Д.Н. Бегичев едва ли не превосходит гоголевские описания уездных трактиров и присутственных мест.

По понятным причинам пыль, паутина, сор часто упоминаются в художественных произведениях, когда идет речь об уборке. Причем к указанным описаниям прибегают не только писатели, близкие к натуральной школе, но и романтики: мотив уборки на символическом уровне соотносится с мотивом бдения. Так, в сказке А. Погорельского «Черная курица, или Подземные жители» все начинается с того, что Алеше позволяют поиграть во дворе: «В тот день учитель и жена его в больших были хлопотах. Они давали обед директору училищ, и еще накануне, с утра до позднего вечера, везде в доме мыли полы, вытирали пыль и воили красного дерева столы и комоды» [16, с. 73]. Из-за уборки в доме мальчик оказывается около курятника, где и видит спасающуюся от кухарки Чернушку.

Самую подробную «опись» выгребаемого мусора (если, конечно, не считать плюшкинскую коллекцию, рассматриваемую нами в отдельной работе [6]) находим в романе А.С. Пушкина – несмотря на пресловутый лаконизм пушкинской прозы. В художественных текстах большинства писателей первых десятилетий XIX века мы встречаем «всякий сор», «разный дряг», «ненужную рухлядь» и т.п. выражения. А.С. Пушкин перечисляет «тряпички, камушки, щепки, бабки и сор всякого рода»

[14, т. V, с. 412] – их вытаскивает из пушки Иван Игнатьич, готовясь к нападению пугачевского войска («Капитанская дочка»). При описании того, как создаются оренбургские укрепления (устаи Петра Гринева), вновь упоминаются пургаментарные образы: толпа колодников под надзором гарнизонных инвалидов «вывозит в тележках сор, наполнявший ров» [14, т. V, с. 423]. Очевидно, в художественной картине мира А.С. Пушкина сор и мусор являются атрибутами домашней, обывательской, мирной жизни, бесспорна их позитивная коннотация.

Итак, проведенный анализ ряда произведений, написанных в первой половине XIX века, показывает, что пургаментарные образы являются элементом художественной картины мира практически всех сочинителей – вне зависимости от их эстетических пристрастий. Другое дело, что актанты грязегенности и количество упоминаний о «нечистых» предметах существенным образом рознятся. В частности, авторы, склонные к натуралистическим описаниям, в большей степени используют мотивы запачканности, загрязненности, соотнося их с социальным неблагополучием. Писатели-романтики чаще прибегают к показу запыленности, заброшенности объектов изображения, усматривая в этом мифологическую семантику, особый эстетико-философский смысл.

Список литературы

1. Бегичев Д. Н. Семейство Холмских. Некоторые черты нравов и образа жизни, семейной и одинокой, русских дворян : в 6 ч. / Д. Н. Бегичев. – М. : Типография Николая Степанова, 1841.
2. Бестужев-Марлинский А. А. Сочинения : в 2 т. / А. А. Бестужев-Марлинский ; сост., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. В. И. Кулешова. – М. : Художественная литература, 1981.
3. Булгарин Ф. В. Сочинения / Ф. В. Булгарин ; авт. вступ. ст. и примеч. Н. Н. Львова. – М. : Современник, 1990. – 704 с.
4. Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений : в 14 т. / Н. В. Гоголь ; АН СССР; Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). – М. – Л. : Изд-во АН СССР, 1937–1952.
5. Гуковский Г. А. Реализм Гоголя / Г. А. Гуковский. – М. – Л. : ГИХЛ, 1959. – 132 с.
6. Завьялова Е. Е. «Мусорная парадигма» в «Мертвых душах» Н.В. Гоголя / Е. Е. Завьялова // Филологические науки. – 2008. – № 5. – С. 16–25.
7. Козубовская Г. П. «Осколки» и «пепел» в поэзии русского романтизма / Г. П. Козубовская // Утопия чистоты и горы мусора. Материалы симпозиума славистов. Вып. 4. – Варшава : Секция Культуры Института Славистики ПАН (Pracownia Kultury IS PAN), 1999. – С. 213–235.
8. Лермонтов М. Ю. Сочинения : в 2 т. / М. Ю. Лермонтов ; сост. и коммент. И. С. Чистовой. – М. : Правда, 1990. – Т. 2. – 702 с.
9. Нарезный В. Т. Избранное / В. Т. Нарезный ; сост., вст. ст. и примеч. В. А. Грихина, В. Ф. Калмыкова. – М. : Советская Россия, 1983. – 448 с.
10. Нарезный В. Т. Сочинения : в 2 т. / В. Т. Нарезный ; вступ. ст., подгот. текста и примеч. Ю. В. Манна. – М. : Художественная литература, 1983.
11. Одоевский В. Ф. Повести и рассказы / В. Ф. Одоевский ; вступ. ст., сост. и примеч. А. Немзера. – М. : Художественная литература, 1988. – 382 с.
12. П. М-ский // Северная пчела. – 1835. – № 115 (25 мая).
13. Погодин М. П. Повести. Драма / М. П. Погодин ; сост., вступ. ст. и примеч. М. Н. Виролайнен. – М. : Советская Россия, 1984. – 432 с.
14. Пушкин А. С. Собрание сочинений : в 10 т. / А. С. Пушкин. – М. : ГИХЛ, 1959–1962.
15. Русская фантастическая повесть эпохи романтизма : сб. произведений / сост., подгот. текста и коммент. М. Н. Виролайнен и др. – Л. : Издательство Ленинградского университета, 1990. – 672 с.
16. Русские повести XIX века 20–30-х годов : в 2 т. – М. – Л. : ГИХЛ, 1950. – Т. 2. – 575 с.

17. Сомов О. М. Были и небылицы / О. Л. Сомов ; сост., вступ. ст. и примеч. Н. Н. Петруниной. – М. : Советская Россия, 1984. – 365 с.

References

1. Begichev D. N. Semeystvo Holmskih. Nekotorue chertu npravov I obraza gizni, semeynoy I odinokoy, rysskih dvoryan : v 6 ch. – M. : Tipografiya Nikolaya Stepanova, 1841. (in Russ.)
2. Bestugev-Marlinskiy A. A. Sochineniya : v 2 t. / sost., podgot. texta, vstup. st. i komment. V. I. Kuleshova. – M. : Hudogestvennaya literatura, 1981. (in Russ.)
3. Bulgarin F.V. Sochineniya / avt. vstup. st. i primech. N. N. Lvova. – M. : Sovremennik, 1990. – 704 s. (in Russ.)
4. Gogol N. V. Polnoe sobranie sochineniy : v 14 t. / AN SSSR ; In-t rus. lit. (Pushkin. Dom). – M. – L. : Izd-vo AN SSSR, 1937–1952. (in Russ.)
5. Gukovskiy G. A. Realizm Gogola. – M. – L. : GIHL, 1959. – 132 s. (in Russ.)
6. Zavyalova E. E. «Musornaya paradigma» v «Mortvuh dushah» N. V. Gogola // *ilologicheskie nauki*. – 2008. – № 5. – S. 16–25. (in Russ.)
7. Kozubovskaya G. P. «Oskolki» i «pepel» v poazii russkogo romantizma // *Utopiya chistotu i goru musora. Materialu simpoziuma slavistov*. Vup. 4. – Varshava : Sekciya Kulturu Instituta Slavistiki PAN, 1999. – S. 213–235. (in Russ.)
8. Lermontov M. Yu. Sochineniya : v 2 t. / M. Yu. Lermontov ; sost. i komment. I. S. Chistovoy. – T. 2. – M. : Pravda, 1990. – 702 s. (in Russ.)
9. Naregnuy V. T. Izbrannoe / sost., vstup. st. i primech. V. A. Grihina, V. F. Kal-mukova. – M. : Sovetskaya Rossiya, 1983. – 448 s. (in Russ.)
10. Naregnuy V. T. Sochineniya : v 2 t. / vstup. st., podgot. texta i primech. Yu. V. Manna. – M. : Hudogestvennaya literatura, 1983. (in Russ.)
11. Odoyevskiy V. F. Povesti i rasskazu / vstup. st., sost. i primech. A. Nemzera. – M. : Hudogestvennaya literatura, 1988. – 382 s. (in Russ.)
12. P. M-skiy // *Severnaya pchela*. – 1835. – № 115 (25 maya). (in Russ.)
13. Pogodin M. P. Povesti. Drama / sost., vstup. st. i primech. M. N. Virolaynen. – M. : Sovetskaya Rossiya, 1984. – 432 s. (in Russ.)
14. Pushkin A. S. Sobranie sochineniy : v 10 t. – M. : GIHL, 1959–1962. (in Russ.)
15. Russkaya fantasticheskaya povest apohi romantizma. Sb. proizvedeniy / sost., podgotovka texta j komment. M. N. Virolaynen i dr. – L. : Izdatelstvo Leningradskogo uni-versiteta, 1990. – 672 s. (in Russ.)
16. Russkie povesti XIX veka 20–30-h godov : v 2 t. – M. – L. : GIHL, 1950. – T. 2. – 575 s. (in Russ.)
17. Somov O. M. Buli i nebulici / sost., vstup. st. i primech. N. N. Petruiinoy. – M. : Sovetskaya Rossiya, 1984. – 365 s. (in Russ.)

В ПОИСКАХ СТИЛЯ

(КРИТИКИ О СТИЛЕВОЙ МАНЕРЕ Л.С. ПЕТРУШЕВСКОЙ)

Мустафаева Марал, диссертант, Бакинский славянский университет, Респу-блика Азербайджан, AZ-1014, г. Баку, ул. С. Рустама, 25, e-mail: ktika@mail.ru.

Статья посвящена творчеству известного русского писателя Л.С. Петрушевской. Рассматривается, как с первых шагов на литературном поприще, в произведениях, написанных в самых разных жанрово-стилевых формах, Петрушевская обнаруживает новый подход к отображению действительности. Именно это послужило причиной негативного отношения к творчеству Л. Петрушевской со стороны критики того вре-мени. На основе анализа делается вывод о том, что Л. Петрушевская, наряду со мно-гими другими писателями, внесла свой вклад в обновление литературы постсовет-ского времени.

Ключевые слова: Л. Петрушевская, стиль, жанр, истоки, творческая манера, эстетические принципы